

с приложением к нему химического анализа грунтов (отдельно для мозаик Софии Киевской и мозаик собора Михайловского монастыря) и краткой характеристикой прямого набора. Описание состава массы мозаичных грунтов, приведенное на стр. 288, вызывает большие сомнения. Утверждение же автора о двухслойности грунтов неверно. Согласно отчету В. А. Фролова „О снятии мозаик Михайловского монастыря“, в Михайловских мозаиках была трехслойная подготовка грунта. Об этом же свидетельствуют некоторые зондажи, сделанные сотрудниками музея и художниками-реставраторами в процессе реставрационных работ в 1952—1953 гг. в Софии Киевской.

Таким образом, подводя итоги всему вышеизложенному, мы должны признать, что VIII глава книги А. В. Виннера „Древнерусская мозаичная живопись, ее материал и техника“ изобилует неточностями и дает неверное представление о трактуемых в ней памятниках. Это тем более досадно, что в ней разбирается такое важное и значительное явление в истории монументальной живописи, как киевские мозаики.

В. И. Левицкая

ОБЗОР СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЮ за 1945—1954 гг.

Настоящий обзор имеет целью информировать читателей о работах советских византинистов, появившихся в печати в течение последнего десятилетия. Обзор дополняет и продолжает уже имеющиеся работы подобного же рода: М. В. Левченко „Византиноведение в СССР“¹ и Е. А. Косминского „Итоги и задачи советского византиноведения“².

Как известно, важным моментом в развитии советского византиноведения было образование в конце 1943 г. в Институте истории АН СССР группы по изучению истории Византии (византийской группы), объединившей под руководством Е. А. Косминского московских и ленинградских византинистов. К работе были привлечены также ученые других городов и республик СССР, притом не только историки, но и археологи, и филологи, и искусствоведы. На заседаниях группы были прочитаны и обсуждены многочисленные доклады, преимущественно по истории социально-экономического развития Византийской империи. Кроме того, группой был составлен „Византийский сборник“: он был подготовлен еще в 1940 г., но вышел в свет в 1945 г.

Развернувшаяся работа позволила поставить вопрос об ознакомлении с ее результатами более широких кругов советской научной общественности путем организации византиноведческих сессий Отделения истории и философии АН СССР. С 1944 по 1950 г. состоялось пять таких сессий, на которых было представлено более 30 докладов как по социально-экономической и политической истории Византии, так и по истории ее культуры и искусства, по истории ее отношений к Руси и другим соседним странам и народам³.

¹ УЗ ЛГУ, 1949, № 112, серия исторических наук, вып. 14, стр. 216—236.

² Вестник АН СССР, 1951, № 5, стр. 62—75.

³ О работе византийской группы и пяти византиноведческих сессий Отделения истории и философии АН СССР см. ВВ, т. I, II, IV и V, отдел хроники, а также информацию в академических изданиях: ВДИ, 1947, № 2; ВИ, 1947, № 1; Вестник АН СССР, 1945, № 4; 1947, № 2 и 1948, № 3; Изв. АН СССР, серия истории и философии, 1945, № 4; 1946, № 6.

На второй сессии в мае 1945 г., посвященной столетию со дня рождения одного из основателей русского византиноведения — Ф. И. Успенского, были приняты решения об издании постоянного органа советской византистики „Византийского Временника“, выпуске основного труда Ф. И. Успенского — „История Византийской империи“ (т. 1—3), составлявшейся тогда византийской группой „Хрестоматии по истории социально-экономических отношений в Византии“, переводов сочинений византийских историков, завершения издания „Трудов“ В. Г. Васильевского (доведенного в 1931 г. до 4-го тома).

Исполняя решение второй византиноведческой сессии, Институт истории начал с 1947 г. выпускать „Византийский Временник“ — сборник статей под редакцией академика Е. А. Косминского, как постоянный орган советского византиноведения. До 1955 г. вышло 7 томов этого сборника.

Первый том „Византийского Временника“ вызвал справедливые нарекания советской научной общественности за идеализацию русского дореволюционного византиноведения и за недостаточно решительную борьбу с реакционными теориями буржуазной исторической науки. Последующие тома „Временника“ в значительной степени освободились от этих недостатков благодаря мерам, принятым его редакцией¹.

Переходим к обзору работ по византиноведению, носящих обобщающий характер.

В 1951 г. Институтом истории АН СССР был выпущен в свет под редакцией Ф. М. Россейкина и Б. Т. Горянова „Сборник документов по социально-экономической истории Византии“ (отв. ред. Е. А. Косминский)². Составители разбили материал сборника на четыре отдела, соответственно четырем периодам в истории Византии, определяемым изменениями в ее социально-экономическом строе: 1. Византия в IV—VI вв. 2. Славянская колонизация и развитие византийского феодализма (VII—IX вв.). 3. Византийский феодализм X—XII вв. 4. Поздневизантийский феодализм. Социальные движения в поздней Византии (XIII—XV вв.). К сборнику приложены: библиография по социально-экономической истории Византии и толковый словарь греческих терминов.

Значительное количество документов и исторических материалов впервые дается в сборнике в русском переводе. Включение в него прочих материалов, представляющих собою ранее опубликованные переводы византийских источников, оправдывается тем, что эти материалы извлечены большей частью из труднодоступных в настоящее время старых изданий. Выход в свет настоящего сборника имеет важное значение для преподавания в высших учебных заведениях истории Византии, так как в советской литературе до сего времени вовсе не имелось пособия, аналогичного существующим хрестоматиям по истории западного средневековья.

В 1948 г. появился в свет третий том „Истории Византийской империи“ Ф. И. Успенского (вступительная статья Б. Т. Горянова).

¹ Рецензии на отдельные тома ВВ см.: на т. I: А. В. Банк — Вестник АН СССР, 1948, № 1, стр. 121—125; А. П. Каждан — Изв. АН СССР, серия истории и философии, 1948, № 1, стр. 115—117; Ф. М. Россейкин — ВИ, 1948, № 3, стр. 127—134. На т. II: М. А. Заборов — Изв. АН СССР, серия истории и философии, 1949, № 4, стр. 375—377; на т. II—III: М. А. Заборов — ВИ, 1951, № 4, стр. 114—121. На т. IV: Б. Т. Горянов — Вестник АН СССР, 1952, № 2, стр. 117—122.

² Рецензии: Э. В. Удальцова — ВИ, 1951, № 10, стр. 141—146; Н. П. Соколов — ВВ, т. VI, 1953, стр. 269—279; М. А. Заборов — Изв. АН СССР, серия истории и философии, 1951, № 5, стр. 473—476.

К книге приложена небольшая работа Ф. И. Успенского „История византийских учреждений“.

Хотя отдельные части этой книги, написанной более 40 лет назад, имеют теперь неодинаковую ценность, однако в целом это — выдающееся по широте композиции и обилию фактического материала произведение русского автора по истории Византии XI—XV вв.

Таким образом, из трех томов „Истории Византийской империи“ остается неизданной только 2-я часть II тома, находящаяся в Архиве Академии наук в готовом для печати виде. (Как известно, т. I был издан в 1913 г., а первая часть II тома — в 1927 г.).

В первом томе „Византийского временника“ (1947 г.), посвященном столетию со дня рождения Ф. И. Успенского, помещено несколько статей его памяти, в их числе — обобщающая статья Б. Т. Горянова „Ф. И. Успенский и его значение в византиноведении“¹. Это — самый полный обзор печатных работ Ф. И. Успенского, охватывающих весь, более чем 1000-летний период существования Византийской империи и трактующих такие темы, как Византия и славяне, социально-экономические отношения в империи, вопросы политической истории, истории культуры и идеологии и др. В статье Б. Т. Горянова дан также краткий очерк ученой биографии Ф. И. Успенского в качестве профессора Одесского университета, директора Русского археологического института в Константинополе и руководителя Русско-византийской комиссии в Академии наук. В заключение сделана попытка характеристики методологических основ его научного творчества².

Из других работ обобщающего характера по истории империи нужно упомянуть изданную на грузинском языке книгу С. Каухчишвили „Лекции по истории Византии“³.

В течение десятилетия (1945—1955 гг.) советские византилисты всесторонне исследуют историю Византии на всем ее протяжении. Ранний период (IV—VII вв.) отражен в работах Н. В. Пигулевской, М. Я. Сюзюмова, М. В. Левченко, З. В. Удадьковой и др.⁴ Этот период исследуется историками в свете изучения общей проблемы перехода византийского общества от рабовладельческого строя к феодальному.

Работы Н. В. Пигулевской охватывают широкий круг вопросов, касающихся прежде всего отношений Византии со странами Востока.

¹ ВВ, 1947, т. I, стр. 29—108. На стр. 270—314 напечатана „Bibliographia Uspenskiana“ — хронологический список трудов Ф. И. Успенского и литературы о нем. В том же первом томе „Византийского Временника“ помещены статьи: Н. С. Лебедева „Научное рукописное наследство академика Ф. И. Успенского“ (стр. 109—113) и А. Г. Готалова-Готлиба „Ф. И. Успенский как профессор и научный руководитель“ (стр. 114—126). Опубликованы также две статьи самого Ф. И. Успенского из подготовленной им в последние годы жизни серии небольших работ о взаимоотношениях Европы и Византии с Востоком: „Движение народов из Центральной Азии в Европу. 1. Турки. 2. Монголы“ (стр. 10—28). Вторая статья — „Морское и сухопутное движение из Центральной Азии в Европу и обратно в XIII—XIV вв.“ — помещена во 2-м томе „Византийского Временника“ (стр. 267—275).

² Подробный критический разбор статьи Б. Т. Горянова и его же предисловия к книге Ф. И. Успенского см. в статье З. В. Удадьковой „К вопросу об оценке трудов академика Ф. И. Успенского“. ВИ, 1949, № 6, стр. 116—127.

³ Т. I, Тбилиси, 1948, 215 стр.

⁴ Со сведениями византийских авторов IV—VI вв. о Кавказе и Северном Причерноморье можно познакомиться из переиздания публикации В. В. Латышева „Известия древних писателей о Скифии и Кавказе“. ВДИ, 1948, № 3, стр. 217—330; № 4, стр. 227—298; 1949, № 3, стр. 205—308; № 4, стр. 227—305; 1952, № 2, стр. 265—323.

В монографии „Византия и Иран на рубеже VI и VII веков“¹ автор рассматривает взаимоотношения этих стран, а также выявляет основные черты их экономики, общественного и политического строя. Книга дает насыщенный фактами историю двух крупных держав, полную острых внутренних конфликтов и внешних столкновений. В Византии в этот период рушились последние устои рабовладельческих отношений и создавались своеобразные формы нового, феодального общества. Иран, истощенный многолетней экспансией, ослабленный внутренними противоречиями, развивавшимися в процессе зарождения феодальных отношений и отмирания рабовладельческих, не смог устоять под напором арабов и был завоеван халифатом. Более прочная государственная система Византии помогла ей оказать сопротивление славянам, наступавшим с севера, и арабам — с востока.

К своему исследованию автор прилагает сделанный ею перевод Анонимной сирийской хроники 1234 г., которой она пользуется в числе прочих многочисленных источников.

Тематика статей Н. В. Пигулевской: „Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв.“², „Эфиопия и Химьяр в их взаимоотношениях с Восточно-Римской империей“³, „Первоисточники истории кушитско-химьяритских войн (к истории торговли и дипломатии Византии на Востоке)“⁴, „Законы химьяритов“⁵ — составляет также и содержание второй монографии автора „Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV—VI вв.“⁶. В книге исследуется проблема торговых связей Византии с Индией и Китаем через Иран, Среднюю Азию, Аравию и Эфиопию и рассматривается внутреннее положение тех стран, по которым проходили торговые пути. Важнейшую роль в коммерческих оборотах Византии играла торговля шелком, являвшаяся одним из существенных факторов ее внешней политики. Стремление Византии контролировать пути на Средний и Дальний Восток, с одной стороны, вовлекало ее в сношения с Эфиопией и Химьяром, с другой — приводило к острым конфликтам с Ираном, экономические интересы которого сталкивались с интересами Византии. Одним из мероприятий Византии по укреплению своего влияния среди народов, через территории которых шли пути ее торговли, было распространение христианства. Дипломатическим приемом Византии в отношении Южной Аравии, служившей важным опорным пунктом в развитии торговли с Востоком, явилось составление для Химьяра законодательного сборника на основе византийских правовых норм. Таким путем византийские правящие круги стремились поддержать свой авторитет в Химьяре.

Торговых отношений касаются также статьи Н. В. Пигулевской: „К вопросу об организации и формах кредита в ранней Византии“⁷ и „Из истории экономических отношений Ирана в IV—VI вв.“⁸. Некото-

¹ Изд. Института востоковедения АН СССР, М.—Л., 1946, 289 стр. Рецензии: В. В. Струве — Советская книга, М., 1947, № 4, стр. 50—51; М. В. Левченко. — Вестник ЛГУ, 1948, № 12, стр. 128—136.

² ВВ, 1947, т. I, стр. 184—214.

³ ВДИ, 1948, № 1, стр. 87—97.

⁴ ВВ, 1949, т. II, стр. 74—93.

⁵ ВВ, 1950, т. III, стр. 51—61.

⁶ Изд. Института востоковедения АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 412. Рец.: З. В. Дальцова — ВДИ, 1952, № 1, стр. 135—141. А. К. Бергер — ВВ, 1953, т. VII, стр. 283—295.

⁷ ВВ, 1951, т. IV, стр. 84—90.

⁸ КСИБ АН СССР, 1955, вып. 14, стр. 46—57.

рые вопросы истории сирийского города рассматриваются в статье „История основания города Карка дебет Селох“¹, где используется материал исторической хроники VI в., и „Сирийский законник. История памятника“².

К области хозяйственно-правовых отношений византийского Египта VI—VII вв. относится публикация П. В. Ернштедта „Два греческих папируса византийского периода из советских собраний“³.

Н. В. Пигулевская выступила далее с рядом статей, посвященных проблеме перехода стран Ближнего Востока от рабовладельческой формации к феодальной: „К вопросу об общественных отношениях на Ближнем Востоке перед арабским завоеванием“⁴, „К вопросу о разложении рабовладельческой формации на Ближнем Востоке“⁵ и „Проблема распада рабовладельческого общества и формирования феодальных отношений на Ближнем Востоке“⁶.

Автор исследует процесс перехода от одной формации к другой в Иране, Южной Аравии, Византии и ее провинциях — Сирии, Египте и Северной Африке. К важнейшим факторам, разлагавшим старые общественные отношения, автор относит вторжения „варваров“, главным образом славян, двинувшихся в V—VI вв. на Балканский полуостров и в Малую Азию, затем — гражданскую войну в Византии на грани VI и VII вв., в которую были вовлечены все эксплуатируемые слои — колонны, рабы, свободные крестьяне, население старых городов, сохранивших эллинистические традиции. Автор останавливается на еретических движениях эпохи, вскрывая их социальные корни, а также на борьбе цирковых партий и выступлениях демонов — поквартальных организаций широких городских масс, игравших важную роль в борьбе против эксплуататорских классов.

Демам, кроме того, Н. В. Пигулевская посвятила специальный критический обзор: „К вопросу о борьбе демонов в ранней Византии“⁷, в котором рассматриваются работы на данную тему как советских, так и зарубежных историков.

Отношения Византии с Востоком рассматриваются Н. В. Пигулевской также в области культуры. В статье „Мар Аба I (К истории культуры VI в. н. э.)“⁸ она дает жизнеописание (по арабскому источнику) одного из выдающихся деятелей первой половины VI в., сочетавшего византийскую образованность с культурными достижениями Сирии и Ирана. В статье „Сергий Решайнский (К истории сирийской научной литературы)“⁹ охарактеризован передовой мыслитель эпохи, сирийский врач, строивший свои научные теории на базе античных знаний.

Автором ряда работ, освещающих ранний период истории Византии, является М. Я. Сюзюмов. В статье „Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV века“¹⁰ автор, пользуясь главным образом „Речами и письмами“ Либания, высказывает мнение, что в IV в. политическая борьба в городах была во многом тесно связана с

¹ УЗ ЛГУ, № 179, 1954, серия востоковедческих наук, вып. 4, стр. 215—229.

² УЗ ЛГУ, № 128, 1952, серия востоковедческих наук, вып. 3, стр. 52—63.

³ ВДИ, 1952, № 2, стр. 201—215.

⁴ Вестник ЛГУ, 1948, № 4, стр. 66—77.

⁵ ВИ, 1950, № 4, стр. 44—54.

⁶ ВИ, 1953, № 3, стр. 50—62.

⁷ ВВ, 1952, т. V, стр. 216—222.

⁸ СВ, 1948, № V, стр. 73—84.

⁹ УЗ ЛГУ, 1949, серия востоковедческих наук, вып. I, стр. 43—64.

¹⁰ УЗ Уральского гос. ун-та. Свердловск, 1952, № 11, стр. 84—134. Рец.: Г. Курбатов — ВВ, 1953, т. VII, стр. 306—314.

цирком, однако еще не носила формы борьбы „синих“ и „зеленых“. Эту форму она приобрела лишь в V в. Соперничающими группировками в городах были, с одной стороны, старая местная знать, цеплявшаяся за остатки самоуправления, с другой — разбогатевшие чиновники и представители развивающегося военного сословия, извлекавшие выгоды из централизации и бюрократизации церкви и государства. Борьба этих двух группировок отражала ломку основного устоя рабовладельческого общества — античного полиса. Однако она была связана лишь с местными интересами и не носила революционного характера. Автор считает неправильным утверждение некоторых историков, что движение демов органически связано с движениями рабов: по его мнению, борьба цирковых партий была непонятной колонам и рабам и движения горожан не сливались с восстаниями рабов. Поэтому горожане всегда давали отпор нашествиям различных племен, в то время как деревня объединялась с наступавшими „варварами“ в борьбе против рабовладельческого государства. Особенно сложной была борьба цирковых партий в Константинополе. Как в IV, так в V и VI вв. ипподром оставался центром, организующим борьбу различных групп городского населения и в то же время центром сплочения всех элементов, защищавших существование вековых форм эллинистического города.

В этой связи упомянем здесь статью М. В. Левченко „Венеты и прасины в Византии в V—VII вв.“¹ и исследование А. Я. Гуревича о ранневизантийском городе, как центре ремесла и торговли: „Из экономической истории одного восточно-римского города (Некрополь киликийского города Корики)“².

В дискуссии по проблеме падения рабовладельческого строя, проводившейся за последнее время на страницах „Вестника древней истории“, М. Я. Сюзюмов излагает свою точку зрения в статье „К вопросу о процессах феодализации в Римской империи“³. Он возражает против концепции Е. М. Штаерман⁴, А. П. Каждана⁵, А. Р. Корсунского⁶, С. И. Ковалева⁷ и утверждает, что революционные выступления рабов и колонов и нашествия „варваров“ имели огромное созидательное значение: в результате того и другого осуществилась необходимая для развития феодального строя связь непосредственных производителей со средствами производства, поскольку большая часть земли перешла в руки свободных общинников: как на Западе, так и на Балканском полуострове укрепилась общинная собственность за счет рабовладельческой. На вопрос о причинах того, почему в Западной Римской империи крах рабовладельческого общества привел к гибели государства, в то время как Восточная Римская империя устояла среди революционных бурь и варварских нашествий, автор отвечает, что причиной устойчивости Византийской империи явилось сохранение в ней центров товарного производства. Поскольку без определенной степени развития товарного производства не может развиваться феодальное общество, постольку сохранение здесь крупных торговых центров в то время, когда на Западе наблюдалось глубокое падение товарного производства, было прогрессивным явлением с точки зрения всемирно-исторического

¹ ВВ, 1947, т. I, стр. 164—183.

² ВДИ, 1955, № 1, стр. 127—135.

³ Там же, стр. 51—67.

⁴ ВДИ, 1953, № 2.

⁵ ВДИ, 1953, № 3.

⁶ ВДИ, 1954, № 2.

⁷ ВДИ, 1954, № 3.

процесса. Задачу сохранения торговых центров, с точки зрения М. Я. Сюзюмова, выполнила городская землевладельческая чиновная знать Византии, несмотря на всю свою реакционность. Она же сумела сохранить в своих руках государственный аппарат. Что касается сельскохозяйственной провинции, то она попала в положение, аналогичное положению, сложившемуся на Западе. Рабовладельческий уклад был разрушен и в Восточной империи, но там сохранились центры товарного производства и вместе с ними — элементы античной культуры.

Проблема генезиса феодального способа производства в империи IV—V вв. рассматривается также в исследованиях Г. Г. Дилигенского „К вопросу об аграрных патрониях в поздней Римской империи“¹ и А. Г. Гемпа „Трибутарии и инквилиты поздней Римской империи“².

В числе исследований, посвященных ранней Византии, следует отметить статью М. В. Левченко „Синезий в Константинополе и его речь «О царстве»“³, знакомящую с настроениями рабовладельческих кругов в Северной Африке. Синезий, уроженец Киренаики, видный ученый и политический деятель, живший в начале V в., предвидит возможность глубоких социальных потрясений в случае осуществления уже наметившегося объединения рабов с „варварами“ против господствующих классов. В своей речи „О царстве“⁴, произнесенной перед императором Аркадием, Синезий пытается указать средства для спасения империи от надвигавшейся катастрофы.

Семилетний период (552—558 гг.) в жизни Византии служит предметом труда Агафия Миринейского „О царствовании Юстиниана“, изданного в переводе М. В. Левченко⁵ и с его же вступительной статьей „Византийский историк Агафий и его мировоззрение“. М. В. Левченко излагает в этой статье биографию Агафия, принадлежавшего к образованной части византийской консервативной аристократии, и разбирает особенности его сочинения. Отмечая симпатии Агафия к античности, консерватизм в вопросах политики и философии, большую эрудицию и осведомленность в описываемых им событиях, М. В. Левченко подчеркивает, что Агафий одобрял политику Юстиниана и высказывался за восстановление могущества империи. В то же время он относился пренебрежительно к народным массам, не будучи в состоянии понять их действительной роли в жизни современного ему общества⁶.

История народных движений в Северной Африке подвергается рассмотрению в двух статьях Э. В. Удальцовой: „Народные движения в Северной Африке при Юстиниане“⁷ и „Политика византийского правительства в Северной Африке при Юстиниане“⁸. Автор исследует политику византийского правительства в отвоеванной у вандалов Северной Африке, сводящуюся к восстановлению прежних общественных и аграрных отношений римского времени: были приняты крутые меры к возвращению занятых народными массами земель их прежним владельцам, что вызвало ряд народных восстаний. Описывается наиболее

¹ ВДИ, 1955, № 1, стр. 135—141.

² ВДИ, 1954, № 4, стр. 75—83.

³ УЭ ЛГУ, 1951, № 130, вып. 18, стр. 222—249. Рец.: М. Я. Сюзюмов — ВВ, 1953, т. VI, стр. 279—281.

⁴ ВВ, 1953, т. VI, стр. 327—357. Перевод М. В. Левченко.

⁵ Изд. Института истории АН СССР. М.—Л., 1953, стр. 219.

⁶ Рец. М. Я. Сюзюмова на издание Агафия см. в настоящем томе ВВ.

⁷ ВВ, 1952, т. V, стр. 15—48.

⁸ ВВ, 1953, т. VI, стр. 88—112.

крупное из таких восстаний 30—40-х годов VI в., происходившее под руководством солдата византийской армии Стотзы.

Характеристику завоевательной политики Юстиниана дает сочинение Прокопия Кесарийского „Войны с готами“¹, изданное в переводе С. П. Кондратьева и со вступительной статьей Э. В. Удадьковой. Это — ценнейший источник для ознакомления с политической и социально-экономической историей Восточной Римской империи и соседних с нею народов Запада. Особенно ценны сообщения Прокопия о древних славянах, их быте, военном деле и об их вторжениях в пределы империи, которые привели, как известно, к глубоким преобразованиям в социальном строе Византии.

Вопрос о славянах, вторгавшихся в пределы Византийской империи, составляет предмет пристального внимания ряда советских историков и этнографов.

А. Дьяконов в статье „Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI—VII веков“² приводит рассказ из 2-й и 3-й части „Истории“ Иоанна о нашествии на Константинополь в 541—543 гг. славян вместе с гуннами и в 581—584 гг. — одних славян, сравнивая этот рассказ с данными других источников и пополняя его новыми сведениями. Автор приходит к выводу, что первое нашествие имело целью грабеж, второе, повидимому, было движением племенных групп, оседавших на занятых ими землях в качестве земледельцев и скотоводов.

Среди работ, посвященных славянам, нужно отметить далее исследование М. Ю. Брайчевского „Об антах псевдо-Маврикия“³, где делается попытка дать новое освещение (по византийским и другим источникам) истории переселения части восточных славян за Дунай. По поводу этой статьи написана работа В. В. Мавродина „К вопросу об антах псевдо-Маврикия“⁴, в которой автор уточняет и дополняет некоторые положения М. Ю. Брайчевского, делая попутно обзор работ прочих участников обсуждения разбираемой темы.

Укажем здесь еще статью А. П. Каждана „Славяне и падение рабовладельческих отношений в Византии“⁵ и обзор В. И. Пичеты „Славяно-византийские отношения в VI—VII вв. в освещении советских историков (1917—1947)“⁶.

Вопрос о значении проникновения славян в пределы Византийской империи исследуется в работе Е. Э. Липшиц „Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма“⁷, основанной на источниках, связанных с хозяйственным бытом византийской деревни VII—VIII вв. Давая характеристику отдельным группам византийского крестьянства и существовавшим у них формам землепользования, автор обращает особое внимание на значение общинного строя византийской деревни, укрепившегося вследствие массовых переселений славян в пределы империи. В заключение автор сравнивает византийскую сельскую общину с западноевропейской маркой, а „Земледельческий закон“ с варварскими Пrawdami. На близкую тему имеется другое небольшое исследование Е. Э. Липшиц „Из истории славянских общин в Македонии в VI—IX вв. н. э. (некоторые наблюдения по аграрной истории Визан-

¹ Изд. Института истории АН СССР. М., 1950, стр. 516.

² ВДИ, 1946, № 1, стр. 20—34.

³ СЭ, 1953, № 2, стр. 21—36.

⁴ СЭ, 1954, № 2, стр. 32—41.

⁵ „Преподавание истории в школе“, 1953, № 2, стр. 47—58.

⁶ ВДИ, 1947, № 3, стр. 95—99

⁷ ВВ, 1947, т. I, стр. 144—163 (автореферат статьи „Византийское крестьянство и славянская колонизация“. ВС, М.—Л., 1945, стр. 96—143).

тии)¹. В этой работе дается анализ грамоты 897 г. о продаже земли и угодий частным лицом игумену монастыря близ Фессалоники. Название селения, в котором была продана эта земля, указывает на связь его со славянской общиной другувитов. Документ свидетельствует о разложении общины, связанном с процессом феодализации, и о росте монастырского землевладения за счет общины.

Немало внимания уделяют историки-византилисты общественным движениям VIII—IX вв., в частности — павликианству и иконоборчеству. Е. Э. Липшиц в статье „Павликианское движение в Византии в VIII и первой половине IX в.“² излагает историю движения с конца VI в. Павликианство, получившее особенно широкое распространение в VIII—IX вв. на Балканах и в Малой Азии, представляло собою самое значительное антифеодалное движение, развивавшееся в форме ереси. Подчеркнув демократический характер павликианства и преобладание среди его последователей крестьян и рабов, автор отмечает ненависть павликиан к господствующей церкви, к монастырям и монахам. Антицерковные настроения до некоторой степени сближали павликиан с иконоборцами, однако последние не разделяли стремления павликиан к глубоким социальным реформам.

В 1950 г. Е. Э. Липшиц опубликовала сделанный ею перевод „Краткой истории“ Никифора, патриарха Константинопольского, сопроводив его своей статьей „Никифор и его исторический труд“³. Автор статьи показывает, что труд Никифора является важным источником для истории иконоборческого периода (602—769 гг.).

В 1950—1951 гг. появилась в печати считавшаяся утерянной источниковедческая работа видного русского византиста К. Н. Успенского, умершего в 1917 г., „Очерки по истории иконоборческого движения в Византийской империи в VIII—IX веках. Феофан и его Хронография“⁴. В своем исследовании К. Н. Успенский, собравший много свежего документального материала, по-новому оценивает данные Феофана, Анастасия Библиотекаря и патриарха Никифора об исторических событиях VIII—IX вв. Однако многие положения К. Н. Успенского уже устарели и нуждаются в пересмотре.

Иконоборческому движению посвящена статья М. Я. Сюзюмова „Проблемы иконоборчества в Византии“⁵. Автор считает, что иконоборчество представляло собою широкое движение, возникшее из незначительной ереси. По мнению автора, иконоборцев поддерживали самые разнообразные слои населения, внешне объединенные отрицательным отношением к иконам и вовсе не ставившие себе главной целью ограничение монастырского землевладения. Как полагает М. Я. Сюзюмов, монастырское землевладение в VIII в. уже не имело значительных размеров вследствие массовых земельных захватов со стороны вторгавшихся в империю славян и арабов, а также со стороны участников крестьянских восстаний. Поэтому иконоборцы, стремясь подорвать экономическую силу монастырей, отбирали у них движимое имущество, представлявшее огромную ценность и состоявшее главным образом из золотых и серебряных предметов культа и церковной утвари.

¹ В кн.: „Академику Б. Д. Грекову...“. М., 1952, стр. 49—54.

² ВВ, 1952, т. V, стр. 49—72.

³ ВВ, 1950, т. III, стр. 349—387 и 85—105.

⁴ Там же, стр. 393—438 и т. IV, 1951, стр. 211—262.

⁵ УЗ Свердловского гос. пед. ин-та, 1948, № 4, стр. 48—110. Рец.: М. А. Забонов — ВВ, 1951, т. IV, стр. 190—201.

Вопросы культуры периода VIII—IX вв. рассматривают статьи Е. Э. Липшиц: „Византийский ученый Лев Математик (из истории византийской культуры в IX в.)“¹ и „К вопросу о светских течениях в византийской культуре IX в. (Касия)“².

В первой статье Е. Э. Липшиц восстанавливает по разноречивым показаниям источников биографию близкого к иконоборческим кругам Льва Математика, представителя светского течения в византийской науке, характеризующегося интересом главным образом к изучению природы и техники. Как глава школы, Лев был учителем ряда выдающихся деятелей IX в., в том числе патриарха Фотия и Константина Философа, и пользовался широкой известностью даже за пределами Византии.

Содержанием второй статьи Е. Э. Липшиц опровергаются неверные представления некоторых буржуазных историков о наличии проникнутого всецело церковными интересами периода в истории византийской культуры VIII—IX вв. Рассматривая творчество византийской поэтессы Касии, автор находит в нем, наряду с произведениями церковной тематики, новые светские мотивы и знакомит читателя с образцами ее поэзии, проникнутой бодрым и жизнеутраченным настроением.

В своей докторской диссертации „Византийское общество и его культура в VIII—IX вв.“³ Е. Э. Липшиц ставит себе задачу нарисовать целостную картину развития византийской культуры изучаемой эпохи в тесной связи с историей классовой борьбы народных масс, сыгравшей определяющую роль в формировании различных сторон византийской культуры. В работе дается анализ общественно-экономического строя Византии, классовой структуры общества, административного устройства империи, рассматриваются общественные движения: павликианство, иконоборчество и восстание Фомы Славянина, изучается законодательство VIII—IX вв., дается анализ литературы, науки, просвещения и характеризуются выдающиеся деятели в области культуры. В заключении работы делается попытка определить основные художественные направления эпохи.

Отметим здесь публикацию Н. В. Пигулевской палеографо-лингвистического памятника „Греко-сиро-арабская рукопись IX века“⁴.

Жизни византийского города посвящена статья Е. Э. Липшиц „К вопросу о городе в Византии VIII—IX вв.“⁵. Суммируя сведения, почерпнутые из письменных и археологических источников, автор рисует картину состояния городского ремесла, морской и сухопутной торговли, главным образом в Константинополе, выясняет степень отделения ремесла от сельского хозяйства и роль византийского города в международной торговле.

Этой же темой интенсивно занимается М. Я. Сюзюмов. Помимо упомянутых выше работ, он выступил с рядом исследований, касающихся роли и значения города в истории Византии.

В 1949 г. М. Я. Сюзюмов в качестве учебного пособия для высших учебных заведений опубликовал свой комментированный перевод на русский язык „Книги епарха“⁶. В предисловии переводчик объясняет

¹ ВВ, 1949, т. II, стр. 106—149.

² ВВ, 1951, т. IV, стр. 132—148.

³ Автореферат. Л., 1951, 21 стр.

⁴ Палестинский сборник. Л., 1954, № 1, стр. 59—90.

⁵ ВВ, 1953, т. VI, стр. 113—131.

⁶ „Книга Епарха. Устав византийских цехов X века“. Свердловск, 1949, 115 стр. УЗ Свердловского гос. пед. ин-та, вып. 6. (Рец.: А. П. К а ж д а н и М. А. З а б о р о в — ВВ, 1952, т. V, стр. 273—276).

структуру византийских цехов, их социальный состав и производственные функции. К особенностям византийского ремесла М. Я. Сюзюмов относит значительную роль в нем труда рабов и наемных рабочих, указывает на наличие государственных ремесленных мастерских, отмечает существование свободы конкуренции и отделение ремесла от торговли. В предисловии характеризуется также состояние византийской торговли, подчеркивается пассивный характер внешних торговых сношений Византии и указывается на потерю Константинополем с конца XI в. своего прежнего экономического значения ввиду захвата левантйской торговли венецианцами и генуэзцами. Сущность одного из многочисленных ограничительных постановлений „Книги епарха“ М. Я. Сюзюмов разъясняет в заметке „О запрете накопления наличными деньгами в Византии“¹: постановление касается только мелких разменных денег.

Докторская диссертация М. Я. Сюзюмова „Производственные отношения в византийском городе — эмпории периода генезиса феодализма“ является ценным вкладом в советскую византиноведческую литературу².

В своей работе М. Я. Сюзюмов дает развернутую картину жизни и деятельности ремесленного по преимуществу населения в таких центрах товарного производства империи, как Константинополь и Фессалоника; эти города без перерыва в их экономических функциях перешли из античности в эпоху зарождавшегося феодализма, сохранившись на протяжении всей последующей истории Византии в качестве узловых пунктов ее экономики и культуры. Автор рассматривает вопрос о доходах византийской городской знати, исследует виды и формы эксплуатации ею трудового населения. В заключение автор подчеркивает прогрессивную роль византийского города также и в процессе формирования феодальных отношений в Европе.

Упомянем здесь одну из последних работ М. Я. Сюзюмова „О социальной сущности законодательства „Василик“³, в которой „Василики“ рассматриваются не только как переработка старых законов времени Юстиниана, но как памятник живого, действующего законодательства, содержащий данные о правовых отношениях, сложившихся в городах и сельских местностях Византии в X в.

Вопросы истории византийского города и византийского ремесла исследуются также в работах А. П. Каждана. В статье „Цехи и государственные мастерские в Константинополе в IX—X вв.“⁴ А. П. Каждан пересматривает некоторые выводы М. Я. Сюзюмова. Автор характеризует византийскую столицу как центр средневековой организации производства, сосредоточенного в цехах, близких по своей структуре к западноевропейским цехам, зависевших от контроля государственной власти и сравнительно мало применявших рабский труд.

В связи с вопросом о месте рабов и наемных работников в византийском ремесле А. П. Каждан опубликовал специальное исследование „Рабы и мистии в Византии IX—XI веков“⁵, основанное на изучении значительного документального материала. Автор приходит к выводу, что землевладельцами в сельском хозяйстве эксплуатировался преимущественно труд рабов, но не наемных работников-мистиев; труд мистиев, составлявших многочисленную группу эксплуатируемых, применялся, повидимому, в других отраслях государственного и частного хозяйства.

¹ ВВ, 1947, т. I, стр. 267—269.

² Свердловск, 1953, 28 стр. (Институт истории АН СССР).

³ ВВ, 1953, т. VI, стр. 72—87.

⁴ Там же, стр. 132—155.

⁵ УЗ Тульского гос. пед. ин-та, 1951, вып. 2, стр. 63—84. Рец. М. Я. Сюзюмов — ВВ, 1953, т. VI, стр. 281—284.

В другой своей работе „Византийские города в VII—XI веках“¹ А. П. Каждан, привлекая обширный нумизматический материал, возражает против широко распространенной в исторической литературе точки зрения, что Византийская империя всегда была страной городов. В действительности, с падением рабовладельческого строя полисы на Балканах и в Малой Азии исчезают. Причина падения античного города коренилась, по мнению автора, во внутренней закономерности развития рабовладельческого способа производства, а вторжения „варваров“ ускорили этот процесс. Лишь немногие города — Константинополь, Фессалоника, Эфес, Никея — пережили падение рабовладельческой формации, но и они потеряли прежнее экономическое значение.

В ряде работ советских византинистов освещаются проблемы социально-политической истории Византии X—XI вв.

А. П. Каждан посвятил несколько статей политической борьбе и народным движениям X в. В статье „К истории политической борьбы в Византии в начале X в.“² автор, говоря о боровшихся за власть при императоре Льве VI трех группировках (константинопольской чиновной знати, провинциальной феодальной аристократии и константинопольской торговой и цеховой верхушки), развивает положения, уже высказывавшиеся советскими византинистами, — о сложности политической борьбы IX—X вв. в Византии, где процесс перехода к феодализму протекал чрезвычайно медленно и где к началу X в. еще не был окончательно вытеснен рабовладельческий уклад.

В статье „Крестьянское движение в Византии в X веке и аграрная политика императоров Македонской династии“³ А. П. Каждан характеризует ряд крестьянских восстаний как антифеодальных и путем анализа аграрного законодательства эпохи выявляет сущность политики Византийского государства. Автор приходит к заключению, что рост крестьянских движений вынуждал правительство несколько облегчать положение крестьян, но что правительство в то же время постоянно считалось с требованиями феодальной знати. Исследование А. П. Каждана „Великое восстание Василия Медной руки“⁴ посвящено восстанию, имевшему место в Малой Азии около 935 г. и носившему, по мнению автора, антифеодальный характер.

О положении сельской общины и возникновении класса зависимого крестьянства на далекой окраине империи — в византийских владениях в Италии и о неугасавшей там борьбе против феодальных порядков говорится в работе М. Л. Абрамсон „Крестьянство в византийских областях Южной Италии (IX—XI вв.)“⁵.

М. А. Шангин опубликовал в греческом оригинале и русском переводе с комментариями два произведения кесарийского епископа Арефы: „Письма Арефы. Новый источник о политических событиях в Византии 931—945 гг.“⁶. В этих письмах к эфесскому митрополиту Григорию содержится сообщение об избрании на патриаршество Феофилакта — 16-летнего сына императора Романа Лекапена и оправдания самого Арефы в связи с обвинением его в заговоре против императора Романа.

Статья А. П. Каждана „Византийская армия в IX—X веках“⁷ приводит сведения о составе и численности византийской армии и о ее

¹ СА, 1954, XXI, стр. 164—188.

² УЗ Тульского гос. пед. ин-та, 1952, вып. 3, стр. 191—206.

³ ВВ, 1952, т. V, стр. 73—98.

⁴ ВВ, 1951, т. IV, стр. 73—83.

⁵ ВВ, 1953, т. VII, стр. 161—193.

⁶ ВВ, 1947, т. I, стр. 235—260.

⁷ УЗ Великолукского гос. пед. ин-та, 1954, стр. 18—31.

превращении в X в. из фемного ополчения в войско феодального типа. Упомянем еще работу А. П. Каждана „Быт и культура Византии“¹.

Период Византийской истории XII—XIV вв. широко представлен в работах советских историков. Так, написан ряд исследований о взаимоотношениях Византии и Запада. Отношения с Венецией отражены в работах Н. П. Соколова, который, изучая проблему колониального господства Венеции и процесс создания Венецианской державы, по необходимости исследует и различные вопросы истории Византии. Н. П. Соколову принадлежат следующие статьи: „К вопросу об установлении венецианской супрематии над Дубровником“², „Метрополия венецианской колониальной державы во 2-й половине XIII в.“³, „К вопросу о взаимоотношениях Византии и Венеции в последние годы правления Комнинов (1171—1185)“⁴, „Венецианская доля в византийском наследстве“⁵ и „Восточная политика венецианской плутократии в XII в.“⁶. В третьей статье автор касается отношений империи и Венеции после преследований венецианцев при императоре Мануиле в 1171 г. и доказывает, что нормальные отношения были восстановлены не сразу. Излагая историю погрома латинян в Константинополе в 1182 г. (при Андронике Комнине), автор отмечает, что погром не затронул венецианцев. Предпоследняя статья разбирает вопрос о разделе территории Византии в соответствии с соглашением 1204 г. между руководителями четвертого крестового похода и о предоставлении венецианцам „четверти и полчетверти империи Романии“, которое, однако, как показывает автор, не было осуществлено в намеченном объеме. Докторская диссертация Н. П. Соколова „Образование и первоначальная организация Венецианской колониальной державы (XI—XIII вв.)“⁷ также освещает различные вопросы взаимоотношений Византии и Венеции.

Отношений Византии и Венеции касается и статья М. М. Фрейденберга „К истории классовых борб в Византии в XII веке“⁸, где характеризуется позиция византийской знати, провинциальных магнатов и представителей торговых и ремесленных кругов в связи с политикой Андроника Комнина, который покровительствовал венецианцам, вернувшимся в Константинополь после конфискации 1171 г.

Темой четвертого крестового похода занят М. А. Заборов, опубликовавший статьи: „Папство и захват Константинополя крестоносцами в начале XIII века. К вопросу о роли Иннокентия III в перемене направления четвертого крестового похода“⁹, „К вопросу о предистории четвертого крестового похода“¹⁰, а также обстоятельный обзор „Крестовые походы в русской буржуазной историографии“¹¹.

Отношения Византии с генуэзцами исследуются Е. Ч. Скржинской. В статье „Генуэзцы в Константинополе в XIV в.“¹² автор, нарисовав картину господства в византийской экономике венецианцев, утвердившихся в империи со времени договора с ними Алексея Комнина в 1082 г.,

¹ Преподавание истории в школе, 1955, № 1, стр. 55—66.

² Научн. труды Ист. фак-та Горьковского пед. ин-та, 1950, вып. 13, стр. 139—155.

³ УЗ Горьковского гос. ун-та, 1954, вып. 26, стр. 47—74.

⁴ ВВ, 1952, т. V, стр. 139—151.

⁵ ВВ, 1953, т. VI, стр. 156—185.

⁶ УЗ Горьковского гос. ун-та, 1950, вып. 18, стр. 103—156.

⁷ Автореферат. Л., 1953, 31 стр.

⁸ УЗ Великолукского гос. пед. ин-та, 1954, стр. 32—49.

⁹ ВВ, 1952, т. V, стр. 152—177.

¹⁰ ВВ, 1953, т. VI, стр. 223—235.

¹¹ ВВ, 1951, т. IV, стр. 171—190.

¹² ВВ, 1947, т. I, стр. 215—234.

излагает историю постепенного захвата экономических позиций Византии генуэзцами. Е. Ч. Скржинская показывает, что это привело к экономическому и политическому ослаблению империи, подорвало ее силы в деле обороны против турецкого нашествия. Статья того же автора „Петрарка о генуэзцах на Леванте“¹ рисует борьбу генуэзцев и венецианцев за преобладание в Византии по письмам Петрарки, занимавшего нейтральную позицию общевизантийского патриота.

Трудов, характеризующих византийскую культуру этого периода, почти не имеется. Упомянем здесь только работу „Византийская сатира „Тимарион““ (перевод С. В. Поляковой и И. В. Феленковской. Предисловие Е. Э. Липшиц)². Это один из редких в византийской литературе образов светской сатирической прозы, принадлежащий неизвестному автору XII в., в котором рассказывается в форме диалога о путешествии Тимариона по загробному миру и о его встречах с рядом деятелей — современников автора.

Ряд работ посвящен аграрным отношениям, положению крестьянства и антифеодальным движениям эпохи. В монографии А. П. Каждана „Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв.“³ доказывается, что крестьянская община, а не поместье, составляла основу аграрного строя изучаемой эпохи. Познакомив читателя с разными категориями византийского крестьянства, автор прослеживает процесс разложения общины и изменения характера поместья, что было связано с ростом крупного землевладения. В заключение подчеркивается, что народные волнения XIV в. являлись выражением противоречий феодального строя.

Тематика двух первых глав этой книги послужила содержанием статьи А. П. Каждана „Византийское сельское поселение“⁴, где автор представил материал о хозяйственном и правовом положении поздневизантийской деревни, а также о применявшихся в изучаемую эпоху приемах сельскохозяйственной техники.

Здесь же можно упомянуть публикацию А. П. Каждана: „Два поздневизантийских акта из собрания П. И. Савостьянова“⁵, содержащую греческий текст и комментированный перевод греческих дарственных одному из афонских монастырей. В другой небольшой работе „Локальные формуляры поздневизантийских грамот“⁶ А. П. Каждан показывает разные варианты этих формуляров.

Б. Т. Горянову принадлежит ряд работ по истории поздней Византии. Первая из них — „Византийское крестьянство при Палеологах“⁷, в которой автор, пользуясь „Актами“ Миклошича-Мюллера и полемизируя с Б. А. Панченко, Г. А. Острогорским и др., исследует изменения, происходившие в XIV—половине XV в. в характере феодальной собственности, в судьбах сельской общины и в формах крестьянской зависимости. Кандидатская диссертация Б. Т. Горянова была посвящена теме: „Восстание зилотов в Византии (1342—1349)“⁸. Это движение народных масс в районе Фессалоники, продолжавшееся в течение семи лет и подавленное пра-

¹ ВВ, 1949, т. II, стр. 245—266.

² ВВ, 1953, т. VI, стр. 357—386.

³ М., 1952, 244 стр. (Ин-т истории АН СССР). Рец.: М. В. Левченко — ВВ, 1953, т. VII, стр. 276—282.

⁴ ВВ, 1949, т. II, стр. 215—244.

⁵ Там же, стр. 312—321.

⁶ ВВ, 1950, т. III, стр. 387—393.

⁷ Там же, стр. 19—50.

⁸ Автореферат диссертации. Изв. АН СССР. Серия истории и философии, 1946, № 3, стр. 92—96.

вительством лишь с помощью войск турецкого султана, носило, по мнению автора, антифеодальный характер. В дополнение к этой работе Б. Т. Горянов опубликовал также источниковедческую статью „Первая гомилия Григория Паламы, как источник к истории восстания зилотов“¹ — греческий текст и перевод выдержек из одной беседы Григория Паламы, датируемой автором третьей четвертью XIV в. Политические события поздней Византии служат содержанием опубликованного Б. Т. Горяновым „Неизданного анонимного византийского хронографа XIV века“², охватывающего период с 1218 до 1352 г.

Переходя к последнему периоду истории Византии, укажем прежде всего работы Э. В. Удальцовой, посвященные судьбам империи накануне ее падения.

В статьях „Борьба партий в Византии XV века и деятельность Виссариона Никейского“³ и „Борьба византийских партий на Флорентийском соборе и роль Виссариона Никейского в заключении унии“⁴ автор рисует широкую картину ожесточенной борьбы различных общественных групп погибающей империи вокруг вопроса о союзе с латинянами. Борьба происходила между партией латинофилов, готовых ценой церковного подчинения Западу купить его помощь против турок, и националистической греко-православной партией, выступавшей против сближения с латинянами. Как показывает автор, ядро партии латинофилов состояло из придворной знати, части высшего духовенства, руководимого Никейским архиепископом Виссарионом, и из большей части византийской интеллигенции. Более многочисленная православная партия, опиравшаяся на народные массы, включала в свой состав представителей высшего и среднего духовенства и монашества. Во второй статье прослеживается развитие ожесточенных споров на Флорентийском соборе вокруг „греческого вопроса“ и рост разногласий внутри самой византийской делегации, приведших к торжеству латинофилов и подписанию унии. В заключение дается характеристика Виссариона, как церковно-политического деятеля и как ученого-гуманиста.

К тому же историческому периоду относятся „Речи о реформах Гемиста Плифона“⁵, переведенные Б. Т. Горяновым и опубликованные с его предисловием. В предисловии выясняются условия политической и общественной жизни Византии XV в., дается жизнеописание Плифона и характеристика его мировоззрения. Плифон составил в 1415 г. две докладные записки императору Мануилу II Палеологу и его сыну деспоту Федору о положении в Пелопоннесе и приложил к записке план широких социально-политических и военных реформ, имевших целью спасение империи от внутреннего распада и угрозы турецкого завоевания.

В связи с 500-летием взятия Константинополя (исполнившегося в 1953 г.) советские византиноведы посвятили ряд исследований падению Византийской империи, перевели и опубликовали многие источники, относящиеся к этому периоду.

В статье М. В. Левченко „Завоевание турками Константинополя в 1453 году и исторические последствия этого события“⁶ указывается, что

¹ ВВ, 1947, т. I, стр. 261—266.

² ВВ, 1949, т. II, стр. 276—293.

³ Автореферат диссертации. ВВ, 1949, т. II, стр. 294—307.

⁴ ВВ, 1950, т. III, стр. 106—132. То же в сокр. ред.: „Вестник МГУ“, 1947, № 1, стр. 79—95.

⁵ ВВ, 1953, т. VI, стр. 386—414.

⁶ Там же, т. VII, стр. 3—8.

Византия пала не в результате преобладания военных сил Турции, а вследствие собственной слабости, порожденной внутренними политическими и социально-экономическими противоречиями. С падением Византии Константинополь потерял свое прежнее значение международного центра торговли Запада с Востоком, старые культурные связи греков с соседними странами нарушились, а сами византийцы были вынуждены подчиниться общественному и экономическому строю завоевателей, представлявшему собою наиболее отсталую форму феодального режима, основанного на натуральном хозяйстве и крепостнических отношениях, режима, который не давал покоренному народу никаких перспектив дальнейшего культурного и экономического развития.

З. В. Удальцовой принадлежат статьи: „О внутренних причинах падения Византии в XV в.“¹ и „Предательская политика феодальной знати Византии в период турецкого завоевания“². Ею же в 1951 г. была опубликована работа: „Борьба партий в Пелопоннесе во время турецкого завоевания“³. В первой из указанных статей вскрываются сложные внутренние причины ослабления и гибели Византийской империи, из которых главной был экономический упадок, явившийся следствием назревавшего несоответствия между производительными силами и феодальными производственными отношениями, и связанное с ним обнищание крестьянства и плебейских масс города. Экономическому развитию империи мешало также засилье иностранцев в торговле; все это приводило к обострению классовых противоречий. Положение осложнялось ожесточенными усобицами внутри господствующего класса, а также изменнической политикой некоторой части феодальной знати. К этому следует добавить тяжелое внешнее положение, предательское поведение папства и западноевропейских феодалов. Турецкое завоевание оказало глубоко отрицательное влияние на дальнейшие судьбы народов Балканского полуострова и задержало на столетия их экономическое развитие. Статья вторая и третья касаются туркофильской политики, проводившейся частью феодалов Пелопоннеса во время и после завоевания. Исследование базируется главным образом на критическом анализе труда греческого писателя того времени Критовула „История Мехмета II“.

Н. А. Смирнов в статье „Историческое значение русской „Повести“ Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453 году“⁴ анализирует сочинение, основная часть которого написана русским автором, очевидцем и участником событий на стороне турок. Н. А. Мецкерский исследует „Рыдание“ Иоанна Евгеника и его древне-русский перевод⁵. Это — лирическое произведение, написанное в 1461 году в Трапезунте: автор его оплакивает падение Константинополя. „Рыдание“ вскоре после его написания было переведено на русский язык и широко распространилось среди московских книжников XV—XVII вв., что свидетельствовало о сочувствии московского общества грекам и славянам, подпавшим под турецкое иго.

Ныне покойный А. С. Степанов в работе „Византийские писатели Дука и Фрэнцзи о падении Константинополя“⁶ опубликовал в своем

¹ ВИ, 1953, № 7, стр. 102—120.

² ВВ, 1953, т. VII, стр. 93—121.

³ Сб. „Средние века“, 1951, вып. III, стр. 161—179.

⁴ ВВ, 1953, т. VII, стр. 50—71.

⁵ Там же, стр. 72—86.

⁶ Там же, стр. 385—430.

переводе и со своим предисловием отрывки о завоевании Константинополя из „Византийской истории“ Дуки и из „Большой хроники“ Георгия Франдзи. В переводе и с предисловием Е. Б. Веселаго издано описание осады и взятия столицы Византийской империи из „Истории“ Лаоника Халкокондила. Под заглавием „Армянские хронисты о падении Константинополя (предисловие и подготовка текста А. С. Анасяна. Перевод С. С. Аревшатяна)“¹ опубликованы стихотворные хроники: Абраама Анкирского „Плач на взятие Константинополя“ и Аракела Багешского „Плач о столице Стимболе“.

Укажем, далее, статью И. Н. Бороздина „Н. Г. Чернышевский об осаде и взятии Константинополя турками. (Историографическая заметка)“², посвященную двум критическим статьям Н. Г. Чернышевского в „Отечественных записках“ (1855, № 3) и в „Современнике“ (1855, № 2) по поводу книги М. М. Стасюлевича „Осада и взятие Византии“ (1854). А. С. Тверитинова в своей работе „Фальсификация истории средневековой Турции в кемалистской историографии“³ опровергает концепцию турецкой реакционной историографии, изображающей Турцию как страну, стоявшую будто бы на более высоком уровне социально-экономического и политического развития, чем покоренные ею народы Византии и Балканского полуострова.

Периода турецкого завоевания касается также работа Э. В. Удальцовой: „Византийский историк Критовул о южных славянах и других народах Балканского полуострова в XV в.“⁴, где автор указывает на важные сведения, содержащиеся в „Истории Мехмета II“, об экономическом и политическом положении Сербии, Боснии, Валахии, Албании и о ходе турецкого завоевания. В исследовании И. С. Достян „Борьба южнославянских народов против турецкой агрессии в XIV—XV вв.“⁵ на обширном материале источников показывается разбойничий характер турецкого завоевания Юго-Восточной Европы и тяжелое положение южнославянских народов под игмом османского государства. Сюда же можно отнести статью А. С. Степанова „Труд Дуки как источник по истории восстания Берклиджи Мустафы начала XV века“⁶, освещающую историю восстания турецких и греческих крестьян в Малой Азии (в Ионии и Лидии), и статью Г. И. Ибрагимова „Крестьянские восстания в Турции XV—XVI вв.“⁷.

Ввиду особого значения для советских историков вопроса о сношениях Византийской империи с Русью полагаем необходимым выделить эту тему из ряда других.

Мы начнем наш обзор с небольшой заметки Н. В. Пигулевской „Имя „Рус“ в сирийском источнике VI века н. э.“⁸, в которой автор говорит о приписке 555 г. к главе 7-й книги 12-й „Сирийской хроники“ псевдо-Захарии Митиленского, упоминающей о народе, живущем по соседству с амазонками южно-русских степей. Н. В. Пигулевская считает, что в приписке речь идет о славянах и что можно с уверенностью говорить о том, что имя „Рус“ было известно византийским писателям — грекам и сирийцам еще в первой половине VI в.: оно

¹ ВВ, 1953, т. VII, стр. 444—466.

² Там же, стр. 87—92.

³ Там же, стр. 9—31.

⁴ ВВ, 1951, т. IV, стр. 91—121.

⁵ ВВ, 1953, т. VII, стр. 32—49.

⁶ ВВ, 1952, т. V, стр. 99—104.

⁷ ВВ, 1953, т. VII, стр. 122—145.

⁸ В кн.: „Академику Б. Д. Грекову...“, стр. 42—48.

обозначало народ, заселявший области за Азовским морем по Нижнему Дону.

Вопрос о времени походов Руси на Византию явился предметом полемики советских византинистов с зарубежными историками, видным бельгийским ученым А. Грегуаром и его учениками. А. Грегуар и его сторонники поддерживают концепцию норманистов и возражают против взглядов В. Г. Васильевского, который, опираясь на данные источников (жизнеописания епископов Георгия Амастридского и Стефана Сурожского), относит первые походы Руси на Византию к первым десятилетиям IX в. или даже к концу VIII в. Ответом на выступления А. Грегуара послужила статья Е. Э. Липшиц „О походе Руси на Византию ранее 842 года“¹, где автор поддерживает аргументацию В. Г. Васильевского ссылаясь на ряд новых письменных и художественных памятников, впервые привлеченных для данной цели.

Этот же вопрос явился главной темой двух статей М. В. Левченко: „А. Грегуар и его работы по византиноведению“ и „Фальсификация истории византино-русских отношений в трудах А. А. Васильева“². В этих статьях, кроме работ А. Грегуара и его учеников, подвергается критике книга бывшего русского византиниста А. А. Васильева („The Russian Attack on Constantinople in 860“. Cambridge. Mass., 1946), который, затрагивая данную проблему, относил известия амастридского жителя на столетие позже В. Г. Васильевского, именно — к походу на Византию князя Игоря в 941 г.

Укажем далее четыре статьи М. В. Левченко, посвященные сношениям Византии и Руси в X в. и представляющие собою части книги М. В. Левченко „Очерки по истории русско-византийских отношений“ (в настоящее время находится в печати). Статьи эти следующие: „Русско-византийские договоры 907 и 911 гг.“³, „Произведения Константина Багрянородного как источник по истории Руси в первой половине X века“⁴, „Взаимоотношения Византии и Руси при Владимире“⁵, „Ценный источник по вопросу русско-византийских отношений в X веке („Записка греческого топарха“)“⁶.

В первой статье автор высказывает мысль, что во время похода князя Олега в 907 г. между Русью и греками было заключено лишь устное соглашение, главным образом по торговым делам, и что в 911 г. это соглашение было оформлено в виде письменного договора с добавлением ряда пунктов правового содержания. При этом подчеркиваются некоторые особенности содержания и языка обоих договоров (правильный славянский язык), позволяющие отнести договоры к числу памятников чисто славянского происхождения. Что касается приводимых в них германских имен части послов и купцов, то это, по мнению автора, свидетельствует только о разнообразии состава древнеславянской дружины, куда входили и варяги, не игравшие, однако, руководящей роли в жизни древнерусского государства.

Во второй статье М. В. Левченко содержится критическая оценка незаконченного трактата императора Константина, известного под названием „De administrando imperio“, где сообщается много сведений, часто, впрочем, неверных, о странах и народах, являвшихся объектами визан-

¹ „Исторические записки“, 1948, т. XXVI, стр. 312—331.

² ВВ, 1951, т. IV, стр. 149—159.

³ ВВ, 1952, т. V, стр. 105—126.

⁴ ВВ, 1953, т. VI, стр. 11—35.

⁵ ВВ, 1953, т. VII, стр. 194—223.

⁶ ВВ, 1951, т. IV, стр. 42—72.

тийской захватнической политики. Особенное внимание М. В. Левченко обращает на большое число преувеличений, неточностей и прямых ошибок в кратких упоминаниях о далекой Руси, которая вовсе не привлекала к себе дружелюбного внимания византийского императора и, очевидно, была ему самому недостаточно хорошо известна. М. В. Левченко весьма критически пересматривает свидетельства трактата о торговом пути по Днепру, названиях его порогов, о Руси и варягах и т. д., полностью отвергая толкования этих мест сторонниками антинаучных взглядов норманистов. Путем тонкого сопоставления источников автор доказывает достоверность известий о проникновении христианства на Русь еще в IX в. (одновременно с занесением в нее славянской письменности от болгар) и настаивает на том факте, что крещение княгини Ольги происходило в Константинополе, а не в Киеве.

Пересматривая в своей третьей статье источники и литературу, главным образом труды В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского о военной поддержке князем Владимиром императора Василия II против поднявшихся на него феодалов, М. В. Левченко подвергает тщательному разбору вопрос о дальнейшем ходе событий — о женитьбе Владимира на византийской княжне Анне и об усиленном насаждении им в Поднепровье христианства в качестве единой государственной религии. Автор расценивает это культурно-политическое мероприятие русского князя как акт большой государственной мудрости, чрезвычайно способствовавший укреплению единства молодого русского государства и росту его международного значения. В заключение М. В. Левченко предлагает несколько новых решений некоторых спорных вопросов, касающихся начальной организации русской церкви и ее первых руководителей.

Продолжая переоценку исследований старых русских византистов, М. В. Левченко стремится по-новому разрешить также давнишний и сильно запутанный вопрос о „Записке греческого топарха“. Отказываясь следовать за большинством прежних исследователей этого памятника, относивших описываемые в нем события к Крыму, М. В. Левченко привлекает новые источники, с помощью которых обосновывает свою точку зрения: он полагает, что топарх действовал в Поднепровье в самом конце X в. во время войны Василия II с болгарским князем Самуилом, и что Киевская Русь при Владимире имела сношения с придунайскими странами, где существовало русское население.

Вопросу о взаимоотношениях Руси, Византии и Болгарии в X веке посвящены 6 статей одесского византиста П. О. Карышковского, вошедшие в его кандидатскую диссертацию и посвященные одной теме — балканским войнам Киевского князя Святослава Игоревича 968—971 гг. Эти статьи следующие: „Русско-болгарские отношения во время балканских войн Святослава“¹, „О хронологии русско-византийской войны при Святославе“², „Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе“³, „К истории балканских войн Святослава“⁴, „К вопросу о первоисточниках по истории походов Святослава“⁵ и „К истории балканских походов Руси при Святославе“⁶.

¹ ВИ, 1951, № 8, стр. 101—105.

² ВВ, 1952, т. V, стр. 127—138.

³ ВВ, 1953, т. VI, стр. 36—71.

⁴ ВВ, 1953, т. VII, стр. 224—243.

⁵ КСИС, 1952, 9, стр. 53—61.

⁶ КСИС, 1955, 14, стр. 26—30.

В перечисленных работах автор пытается установить хронологическую последовательность изучаемых событий путем тщательного сопоставления противоречивых показаний источников (русской начальной летописи, сочинений Льва Дьякона, Скилицы, Зонары, Иоанна Геометра, Яхьи Антиохийского и др.), стремясь примирить несогласные между собою мнения исследователей по этому вопросу.

К тому же периоду относится небольшая заметка К. В. Голенко „Подражания византийским монетам X—XI вв., найденные на Таманском полуострове“¹, на городище Фанагории, т. е. в центре русского Тмутараканского княжества.

Заканчиваем свой обзор литературы по русско-византийским отношениям статьей М. Н. Тихомирова „Византия и Московская Русь“², уже выходящей за пределы собственно византийской истории. В названной статье говорится о том, как существовавшие в XIV в. оживленные культурно-политические сношения Москвы с Константинополем постепенно ослабевали по мере угасания империи, как она сама надеялась на помощь русских против турок, и как после падения империи место греков в Москве в качестве учителей культуры и науки занимают южные славяне.

Выяснению отношений Византии с Таврикой, главным образом с Херсонесом Таврическим, в значительной степени помогают работы А. А. Якобсона, которым опубликованы следующие исследования: „О ранне-средневековых крепостных стенах Мангупа“³, „Херсонес и Киевская Русь в XI в.“⁴, „Средневековый Херсонес XII—XIV вв.“⁵, „Византия в истории ранне-средневековой Таврики“⁶. В этих работах автор ставит своей задачей всесторонне изучить на археологическом материале, дополненном письменными источниками, историю средневекового Херсонеса, связи с ним Византийской империи, характер господства империи в Таврике в различные исторические периоды, степень ее влияния на экономику и культуру Херсонеса и других ее владений и, наконец, выяснить политические взаимоотношения между византийскими императорами и русскими князьями в Северном Причерноморье во второй половине XI в. Той же тематике посвящена кандидатская диссертация Г. Д. Белова „Херсонес Таврический (тезисы)“⁷.

Отношения Византии с государствами южных славян, помимо указанной выше статьи Э. В. Удальцовой, статей П. О. Карышковского и работ некоторых диссертантов, рассматриваются в статье Б. Т. Горянова „Византия и южные славяне“⁸; эти вопросы освещены также в большей или меньшей степени в работе Н. С. Державина „История Болгарии“ (т. I—II)⁹, в коллективном труде „История Болгарии“ (т. I, М., 1954; главы II—VI), в статьях: С. А. Никитина „Образование болгарского народа и возникновение болгарского государства“¹⁰, Н. П. Грациан-

¹ ВВ, 1953, т. VII, стр. 269—275.

² ИЖ, 1945, № 1—2, стр. 9—13.

³ КСИИМК АН СССР, 1949, вып. 29, стр. 55—63.

⁴ Вестник ЛГУ, 1949, № 4, стр. 104—117.

⁵ М.—Л., 1950, 255 стр., 40 табл. (АН СССР. ИИМК. Материалы и исследования по археологии СССР, № 17). Рец.: Е. Ч. Скржинская. — ВВ., 1953, т. VI, стр. 252—269. См. также: Археологические памятники Юго-Западного Крыма, М.—Л., 1953, 436 стр. (АН СССР. ИИМК. Материалы и исследования по археологии СССР, № 34).

⁶ СА, 1954, XXI, стр. 148—163.

⁷ КСИИМК АН СССР, 1946, вып. 13, стр. 142—143.

⁸ Преподавание истории в школе, 1950, № 4, стр. 36—46.

⁹ М.—Л., 1945—1947.

¹⁰ Вестник МГУ, 1952, серия общественных наук, № 1, стр. 131—153.

ского „Деятельность Константина и Мефодия в Великоморавском княжестве“¹, Ю. В. Готье „Образование Сербского государства“², Н. М. Тихомирова „Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в.“³ и др. Издана также книга Д. Ангелова „Богомилство в Болгарии“⁴ в переводе Н. Н. Соколова.

Представители исторической науки Грузинской и Армянской ССР также уделяют внимание византиноведению и, кроме того, в своих трудах по отечественной истории периода IV—XV вв., связанного с историей Византии, обычно касаются различных сторон жизни империи. В обзоре Е. А. Косминского указаны авторы византиноведческих трудов Груз. ССР. Мы добавим к ним еще книгу М. Л. Кахадзе на грузинском языке „Грузины в политической и общественной жизни Византии“⁵, а также известные работы по общей истории Грузии, принадлежащие Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили и С. Джанашиа.

Что касается византиноведческих исследований в Армянской ССР, то, помимо работ, упомянутых Е. А. Косминским в его обзоре, мы укажем еще следующие: „Фавстос Бузанд. История Армении“. Перевод с древнеармянского и комментарии М. А. Геворгияна. Вступит. статья Л. С. Хачикяна⁶. Далее: С. С. Малхасянц „Историк Себеос (Аноним и Марабас Мцурнийский)“⁷, Г. Г. Микаэлян „История Киликийского армянского государства“⁸, С. Т. Мелик-Бахсян „Павликианское движение в Армении“⁹, статьи Я. А. Манандяна: „Когда и кем была составлена армянская география, приписываемая Моисею Хоренскому“¹⁰, „Римско-византийские хлебные меры и основанные на них индексы хлебных цен“¹¹, „Маршруты персидских походов императора Ираклия“¹², „Новеллы Юстиниана о порядке наследования у армян“¹³. Укажем еще статью А. Г. Иоанисяна „Движение тондракитов в Армении (IX—XI вв.)“¹⁴, где приведен материал об активных мероприятиях византийского правительства против крестьянского движения тондракитов. Та же тема составляет содержание статей на армянском языке С. П. Погосяна¹⁵ и А. Мнацаканяна¹⁶. Добавим, что наш список не является исчерпывающим и дает представление только о некоторых работах армянских ученых.

¹ ВИ, 1945, № 1, стр. 84—105.

² СС, 1947, стр. 5—44.

³ СС, 1947, стр. 125—201.

⁴ М., Изд-во иностр. лит-ры, 1954, 214 стр.

⁵ Тбилиси, 1954, 100 стр. (АН Груз. ССР).

⁶ Ереван, 1953, 239 стр. (АН Арм. ССР. Ин-т истории. Памятники древнеармянской лит-ры).

⁷ ВВ, 1949, т. II, стр. 94—105.

⁸ Ереван, 1952, 536 стр. (АН Арм. ССР. Ин-т истории). Рец.: А. Сукиасян и А. Галстян — „Изв. АН Арм. ССР“. Обществ. науки. Ереван, 1953, № 7, стр. 77—98. А. З. Ионисиани — ВИ, 1953, № 5, стр. 120—123. А. Г. Галстян — ВДИ, 1954, № 8, стр. 112—115.

⁹ Ереван, 1953, 263 стр. (Ереван. гос. ун-т). На арм. яз. Рец.: К. Н. Юзбашян — ВИ, 1955, № 1, стр. 158—162.

¹⁰ ВВ, 1947, т. I, стр. 127—143.

¹¹ ВВ, 1949, т. II, стр. 60—73.

¹² ВВ, 1950, т. III, стр. 133—153.

¹³ Изв. АН Арм. ССР, Ереван, 1952, № 5, стр. 61—71.

¹⁴ ВИ, 1954, № 10, стр. 100—107.

¹⁵ „Научные труды Ереван. гос. ун-та“, 1955, № 47, серия ист. наук, вып. 2, стр. 3—87.

¹⁶ Изв. АН Арм. ССР, Ереван, 1954, № 3, стр. 63 и сл.

Работы М. Е. Массона „К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики“¹, Е. А. Пахомова „Хуршутлинский клад золотых византийских монет XI в.“² и С. А. Вязигина „Византийский солид V в. с городища Новая Ниса“³ — проливают некоторый свет на экономические связи Византии с народами Средней Азии и феодального Азербайджана.

Нужно упомянуть еще о большой работе, проведенной советскими исследователями в области истории византийского искусства.

Так, А. В. Банк высказалась по общему вопросу о его исторической прогрессивности в статье „Некоторые спорные вопросы в истории византийского искусства“⁴. В 1947—1948 гг. вышел капитальный труд В. Н. Лазарева „История византийской живописи“⁵ (т. 1—2). Это — самое полное из существующих исследование по истории византийской живописи, снабженное атласом из 350 таблиц иллюстраций. В своей работе автор рассматривает основные этапы развития византийской живописи по шести хронологическим периодам: эпоха Юстиниана и VII век, эпоха иконоборчества, эпоха Македонской династии, эпоха Дук, Комнинов и Ангелов, XIII век, XIV век и последние десятилетия византийской живописи.

Отдельные памятники византийской живописи В. Н. Лазарев рассматривает в статье: „Царская лицевая псалтирь XI в.“⁶, „Новый памятник константинопольской миниатюры XIII в.“⁷ и „Фрески Кастельсеприо (К критике теории К. Вейцмана о „Македонском Ренессансе“)“⁸. Эти фрески из окрестностей Милана автор относит к VI—VII вв. в отличие от К. Вейцмана, датирующего их X веком.

С характеристики условностей формы и содержания поздневизантийской живописи начинает В. Н. Лазарев свою статью „Этюды о Феофане Греке“⁹. Автор показывает, как Феофан, не желая мириться с застойным состоянием искусства у себя на родине, переселился на Русь и работал с большим успехом в Новгороде и в Москве, где и умер между 1405—1415 гг.

В исследованиях М. В. Алпатова „Рублев и Византия“¹⁰ и В. Н. Лазарева „Новые памятники византийской живописи XIV века“¹¹ (автор касается также творчества А. Рублева) работы русских мастеров сравниваются с застывшими стандартами поздневизантийской живописи, которыми русские живописцы пользовались, однако, с большой самостоятельностью, умея придавать своим произведениям оригинальные черты самобытности и жизненности. К более раннему периоду относится статья В. Н. Лазарева „Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве“¹².

Небольшая серия работ знакомит читателей с памятниками византийской архитектуры и переработкой ее образцов в зодчестве соседних

¹ Труды Среднеаз. гос. ун-та. Новая серия. XXIII. Гуманит. науки Кн. 4 (история). Ташкент, 1951, стр. 91—104.

² Изв. АН Аз. ССР, Баку, 1952, № 2, стр. 97—100.

³ Изв. Туркм. фил. АН СССР. Ашхабад, 1951, № 3, стр. 90—91.

⁴ ВВ, 1953, т. VII, стр. 259—268.

⁵ М. „Искусство“. 1947—1948. Рец.: Г. Не до ш и в и н. „Искусство“. М.—Л., 1950, № 1—2, стр. 81—87. А. В. Банк — ВВ, 1952, т. V, стр. 257—272.

⁶ ВВ, 1950, т. III, стр. 211—217.

⁷ ВВ, 1952, т. V, стр. 178—190.

⁸ ВВ, 1953, т. VII, стр. 359—378.

⁹ Там же, стр. 244—258.

¹⁰ Доклады и сообщ. филол. фак-та МГУ, 1947, № 2, стр. 76—79.

¹¹ ВВ, 1951, т. IV, стр. 122—131.

¹² ВВ, 1953, т. VI, стр. 186—222.

стран. Такова теоретическая статья К. Н. Афанасьева „Геометрический анализ храма св. Софии в Константинополе“¹; статья историко-архитектурного содержания „Архитектура Константинополя IX—XII вв.“², написанная Н. И. Бруновым, обследовавшим девять важнейших построек этого периода; статья А. Н. Николаева „Современное состояние памятников византийского зодчества в Стамбуле“³, где особенностями политического режима Турции объясняется тот факт, что эти памятники до сего времени были очень мало изучены и даже не все учтены.

В статье Н. И. Брунова „Киевская София — древнейший памятник русской каменной архитектуры“⁴ доказывается, что строителями храма были не византийские, а русские мастера, которые пользовались в своей работе местными традициями зодчества, существовавшими еще в докиевский период.

Следя за зарубежной византиноведческой литературой, советские византилисты выступали с рядом критических статей против некоторых спорных взглядов буржуазных ученых, главным образом в области социально-экономических отношений в Византии. Одни из этих статей представляют собою тематические обзоры литературы, другие — разбор трудов отдельных авторов, третьи — критику серий журналов и сборников. Дан также ряд рецензий на отдельные исследования зарубежных ученых. Однако в задачу данного обзора рассмотрение этих работ не входит.

Е. Н. Елеонская и С. Н. Катперев

E. DEMOUGEOT. DE L'UNITÉ À LA DIVISION DE L'EMPIRE ROMAIN. 395—410. ESSAI SUR LE GOUVERNEMENT IMPÉRIAL.

Paris, 1951, XVI + 618 p.

Начиная со времен Ш. Монтескье и Э. Гиббона, причины падения Римской империи привлекают к себе внимание историков. Нет почти ни одного крупного исследователя римской истории, который не останавливался бы в своих работах на этом действительно важном вопросе. Несмотря на ряд отдельных удач и достижений (главным образом в области накопления и уточнения фактического материала и разрешения ряда частных вопросов), проблема в целом не была разрешена удовлетворительно зарубежной историографией. Это относится и к новейшим исследованиям.

Нельзя вскрыть причины падения Римской империи, не выяснив предварительно тех коренных внутренних сдвигов в общественно-экономической жизни, которые привели к разделению империи. Разделение империи — это не просто формальный акт, хронологически предшествовавший гибели Римской империи, а результат длительного и сложного процесса, в котором отразились глубокие и непримиримые противоречия, раздиравшие империю и по-разному проявлявшиеся в ее восточной и западной частях. Следовательно, разрешение этого вопроса в значительной степени приближает нас к пониманию дальнейшего развития событий. Этим и объясняется то исключительное место, которое занимает указанная проблема в исторической литературе. В последнее время появился ряд новых работ на эту тему (С. Маццарино, Э. Фишер-Фал-

¹ ВВ, 1952, т. V, стр. 207—215.

² ВВ, 1949, т. II, стр. 150—214.

³ ВВ, 1953, т. VII, стр. 146—160.

⁴ ВВ, 1950, т. III, стр. 154—200.